

УДК 2(С143)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТИИ

© 2010 Е.А. Чуракова

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, г. Ижевск

Поступила в редакцию 16.03.2009

В статье раскрываются особенности этноконфессиональной ситуации в Удмуртии в начале XXI в., выделяются типы верующих, характерные для республики, даются комментарии о функционировании традиционных конфессий – православия и ислама.

Ключевые слова: этноконфессиональные отношения, менталитет этноса, религия, религиозная организация, типы верующих, этнос, эволюция религиозности, толерантность, секуляризация, сознание.

Урало-Поволжье с глубокой древности является зоной интенсивных контактов различных племен и этносов, зоной активного взаимодействия этнических культур. Общность природно-географических условий функционирования, схожесть черт в формах хозяйственной деятельности, длительные исторические взаимосвязи способствовали активному обмену опытом в различных сферах жизнеобеспечения этносов – хозяйственной, социальной, духовной. В данной статье на примере Удмуртии сделана попытка показать некоторые особенности межэтнических контактов трех наиболее крупных этносов республики в духовно-религиозной сфере: автохтонного финно-угорского, тюркского и славянского (соответственно – удмуртов, татар, русских). Материал для исследования был собран в ходе полевых работ с апреля 2006 г. по май 2007 г., проведенных в трёх массивах республики – на севере (г. Глазов и Глазовский район), юге (Алнашский район), в центральной части республики (г. Ижевск и Завьяловский район). Помимо опроса верующего и неверующего населения проводилось социологическое анкетирование на тему “Этноконфессиональные отношения в Удмуртии”. Было заполнено и обработано 1743 анкеты.

Процесс и характер межкультурного взаимодействия названных этносов во многом был связан с их базовыми ментальными установками, в основном толерантными, благодаря чему соседство носило преимущественно мирный характер.

В основе национального характера удмуртов исследователи выделяют “сдержанность, терпимость, уступчивость, трудолюбие, бережливость”¹. Межпоколенная трансмиссия этих качеств способствует формированию личности, ориентированной на собственный внутренний мир, немногословие, закрытость, в определенной степени – “замкнутость в себе”. Некоторые ученые-удмуртоведы

склонны объяснить особенности этнической ментальности удмуртов социально-политическими событиями прошлого, например, тем, что в свое время процесс естественно-исторического формирования удмуртской государственности был прерван вхождением их в состав России, а также насильственной христианизацией.²

Представителей татарского этноса, проживающих в Удмуртии, обычно принято характеризовать как людей, отличающихся, по сравнению с удмуртами, активным началом, напористостью, рационализмом, умением отстаивать как собственное “я”, так и коллективные этнические интересы.

Русские Удмуртии по своим ментальным основаниям занимают среднюю позицию между мягким удмуртским и активным тюркским началами. К наиболее типичным чертам их характера можно отнести “материальную непритязательность, аритмический характер трудолюбия – перепады трудовой энергии и лени, надежду на “авось”, душевную открытость, щедрость, свободолюбие, терпимость к иноплеменникам, отсутствие национального эгоизма, слабовыраженную внутриэтническую консолидацию”³.

Ведя речь о ментальности народа, необходимо иметь в виду тонкую взаимосвязь религиозного и этнического начал, так как ощущение единства этноса и закрепление этого чувства в менталитете во многом основаны на вере в общность происхождения своего этноса и его культуры. И поэтому религиозный фактор часто воспринимается как одна из составляющих этнической идентификации. К примеру, в общественном сознании населения Удмуртии до сих пор сохраняется устойчивый этноконфессиональный стереотип: “русский = православный, татарин = мусульманин, а удмурт часто ассоциируется с язычником”⁴, т. е. религиозная идентичность воспринимается как компонент национальной принадлежности и ментальности. Судя по результатам социологического опроса, проведенного со-

Чуракова Екатерина Алексеевна, аспирант отдела исторических исследований. E-mail: rfnz61082@rambler.ru

трудниками Удмуртского государственного университета весной 2000 г., сопряженность между этнической и конфессиональной идентичностями респондентами воспринимается как социально значимая связь. В числе ведущих признаков, объединяющих их со своими этническими общностями, религиозный фактор назвали 25% удмуртов, 34% русских, 56% татар и 39% – представители других национальностей⁵. Кроме того, респонденты признали религию существенным фактором, влияющим на характер межэтнических отношений. Особенно значима этноконсолидирующая и одновременно этнодифференцирующая роль религии для татар. Ислам является своего рода барьером, ограничивающим проникновение нежелательных для татар иноэтнических импульсов в их культуру, быт и образ жизни и одновременно усиливающим внутриэтнические связи.

Сравнительно низкую оценку консолидационной роли религии удмуртами, по-видимому, можно объяснить особенностями их “вхождения в православие”. В конце XIX – начале XX в. преобладающая часть удмуртского этноса продолжала придерживаться традиционных религиозных верований (крещение ими воспринималось как “переход в русские”), процесс проникновения христианства в его среду шел медленно, а в начале XX в. вообще был прерван. Не успевшее закрепиться в народе православие под мощным давлением большевистских идеологов стало терять позиции, одновременно этнос был “отлучён” и от традиционных верований. К началу 1990-х гг. удмуртский этнос в конфессиональном плане находился в своеобразном вакууме: православие не являлось общэтнической ценностью, а язычество за прошедшие годы пережило процесс мощнейшей эрозии и утратило своё былое влияние. Попытки его реанимации не нашли широкой поддержки в обществе. Деятельность неоязыческой общины “Удмурт вѳь” (“Удмуртское моление”) не дала результатов: возродить язычество как этноконсолидирующий фактор не удалось. Современная ситуация стала для удмуртского этноса временем своеобразного религиозного поиска, который существенно отличается от подобного процесса в русской и татарской средах, где основная масса населения все-таки признает если не духовный, то культурный вклад православия и ислама.

Изменение ценностей современного общества привело к эволюции религиозности этносов республики, которая в свою очередь повлияла на их ментальные основания. В этой области Удмуртия ощутила на себе влияние как общемировых, общероссийских тенденций, так и местных, локальных особенностей.

Эволюция религии, которую признают и теологи, и религиоведы, прежде всего проявляет-

ся в процессе ее секуляризации, которая трактуется как сложное многогранное явление освобождения различных сфер общества и культуры от господства религиозных институтов и символов. Наряду с секуляризацией общества и культуры происходит и секуляризация сознания. В обществе увеличивается число индивидов, не руководствующихся религиозными идеями. При этом в разных социальных слоях и группах секуляризация сознания происходит по-разному: “...мужчины более восприимчивы к влиянию секуляризации, чем женщины, люди средних лет – чем молодежь, старики, горожане – чем жители сельской местности, представители социальных слоев, непосредственно связанных с современным производством, – чем люди, занятые более традиционным трудом и т.д.”⁶.

Секуляризация ведет к формированию плюрализма общественного сознания. Она затрудняет сохранение традиционных религиозных структур и создание новых. Отстаивать прежние позиции религии становится труднее. Религиозные верования уже не могут претендовать на статус вечных и неизменных истин.

Другим следствием плюрализма стало появление большого числа конкурирующих друг с другом религиозных организаций. Традиционные религии в этой ситуации пытаются либо приспособиться, либо отстоять свою жизнеспособность перед лицом многочисленных конкурентов.

Если обратить внимание на социальную составляющую, то стоит признать бесспорный факт: религия, несмотря на все проблемы духовного развития современного социума, продолжает оставаться изначальным институтом, на основе которого происходит определенное структурирование, организация общества. Структурирование выступает как основная функция религии, объединяющая членов группы, будь то клан, племенной союз или современное государство. Даже в XXI в. достаточно представительным остается слой людей, прибегающих к религии для объяснения сложных, трудно контролируемых явлений или решения проблем, которые недоступны для местного знания и обычной технологии.

В эволюции культурно-религиозного пространства России в конце XX – начале XXI в. можно выделить три характерные особенности. Во-первых, крушение социалистической системы включило страну в общемировые процессы, в том числе и религиозного характера. Во-вторых, мировоззренческие установки, сформировавшиеся в обществе в эпоху существования СССР, продолжают иметь определенную силу, хотя их влияние постепенно затухает благодаря естественной смене поколений. В-третьих, в сфере культуры возник идеологический плюрализм,

ранее ни в коем случае недопустимый. Все это в свою очередь вызвало ситуацию массового духовного поиска и брожения, характерную для всех переходных эпох. Со своей стороны, многие религиозные организации, только что вышедшие из-под всеобъемлющего контроля власти, оказались не подготовленными к новым условиям функционирования. Сказались такие факторы, как отсутствие средств, квалифицированных кадров и утрата опыта свободной работы в массах, нуждающихся в идеологическом наполнении возникшего вакуума.

Кардинальную трансформацию претерпела и основа российского общества (в том числе и в сфере религии) – сам человек, будь он верующим или атеистом. Именно с личности, с ее моральной, нравственной и духовной трансформации начинаются изменения церковной структуры, догматов и социума в целом.

В научной мысли сегодня присутствуют две противоположные точки зрения на степень религиозности современного россиянина. Ряд авторов, например, М.П. Мчедлов, К. Каарийнен, Д.Е. Фурман⁷, склонны считать, что в обществе появился новый тип верующих. Для них характерно отклонение от религиозной традиции: их духовный опыт менее ориентирован на церковь и более сосредоточен на земных проблемах общества и человека.

По мнению других авторов (И.В. Налетова)⁸, в российском социуме сохранился тип традиционных верующих. Постсоветское религиозное возрождение трактуется сторонниками этого взгляда как возврат к традиции. Они считают, что для населения церковные обряды, ритуал, молитвы, догматы и т.п. по-прежнему продолжают играть важную роль.

На мой взгляд, в современном обществе присутствуют оба типа верующих, в чем убеждают и материалы по Удмуртской Республике. Анализ данных, собранных в трёх локальных областях республики, подтверждает эту гипотезу. Это север (г. Глазов и окружающий его Глазовский район), где удмуртская и русская этносреда практически равнозначны (38028 удмуртов проживает в г. Глазове и 15022 – в Глазовском районе, русских в г. Глазове – 57842 человека и 3310 человек в Глазовском районе); юг – Алнашский район, традиционно считающийся “удмуртским” (17506 человек) с незначительными вкраплениями русских (2623 человека); и центральная часть республики (г. Ижевск и окружающий его Завьяловский район) – с доминированием русского этнического компонента (г. Ижевск: русских – 440488, удмуртов – 109116; Завьяловский район: русских – 23421, удмуртов – 27077)⁹.

Согласно результатам исследования, православная церковь на севере Удмуртии испытывает определенные трудности, связанные с конкурен-

цией со стороны других религиозных организаций и утратой основной массой населения православных традиций. Мировосприятие религии и церковных институтов в корне изменилось. Люди не считают необходимым и обязательным знание, исполнение православных обрядов, молитв (лишь 4,76% русских и 7% удмуртов заявили о соблюдении обрядов; 68,2% русских, 47,3% удмуртов являются верующими, но не соблюдают религиозные обряды). Вера превратилась в некий личностный аспект, переживаемый человеком исходя из непосредственного опыта. При этом слой воцерковленных точно так же, как и атеистов, весьма невелик. В основном люди склонны относить себя к православным, но эта идентификация весьма условна и включает в себя культурологический аспект. И русские, и удмурты склонны верить, что существует нечто сверхъестественное, но что именно, каждый объясняет по-своему (например, высший разум, высшая справедливость). Священнослужитель отец Софроний (Евдокимов Валерий Павлович) – настоятель, архимандрит, благочинный Глазовского округа, высказался по этому поводу следующим образом: “Мне приходится работать в основном не с прихожанами, а с “захожанами”, которые посещают храм раз или два в год”. У основной части населения нет понимания истинной духовности. По мнению респондента, “в головах людей – даже не винегрет, а силос, что-то совершенно несъедобное, и это месиво потихоньку гниет. Люди не знают учения, молитв, песнопений – саму суть религии, ко всему относятся потребительски. Просят бога о том, чтобы он дал первое, второе, третье... просто потому, что они поставили ему свечку. Все это напоминает языческое моление, когда богу приносят жертву, и он за это дарует людям свою милость в виде конкретных земных благ. Нет истинно христианского покаяния и одухотворения, как нет и стремления к познанию и самосовершенствованию. У людей отсутствует желание, стремление прикладывать какие бы то ни было усилия. И из-за этого приходы пустуют”¹⁰.

Среди специфических характеристик удмуртского населения Алнашского района можно выделить близость к Республике Татарстан, давние культурно-исторические связи с татарским этносом и как следствие – осязаемое влияние татарской культуры на удмуртскую (например, на язык, одежду, народную кухню). Другой важной чертой, оказывающей влияние на духовную культуру местного населения, являются сохранившиеся и до сих пор востребованные традиционные религиозные верования, обряды и обычаи.

Что касается православия, здесь наблюдается своеобразный парадокс: категория верующих и соблюдающих обряды людей куда более многочисленна, чем на севере Удмуртии. К верующим

и соблюдающим религиозные обряды себя отнесли 11,1% русских, 15,6% удмуртов; к верующим, но не соблюдающим религиозные обряды – 55,5% русских и 57,8% удмуртов. Храмы посещаются. По словам отца Михаила, люди в данной местности понимают необходимость совершения религиозных таинств и соблюдения традиций. Во многих приходах района по просьбе прихожан практикуются службы на удмуртском языке.

Беседы с жителями района подтвердили слова священника: люди действительно считают, что человеку во что-то надо верить. Именно вера дает нравственные основы жизни, надежду и поддержку в трудную минуту и, кроме того, – сакральную защиту как верующему, так и его семье.

Сохранение язычества, двоеверия среди удмуртов воспринимается служителями церкви как большое зло: “Сами не знают, что творят; население поддается суевериям и продолжает во многих случаях следовать им”¹¹. Сами удмурты “язычники” считают крайне важным наличие веры в человеке, которая должна выступать как этическая основа развития любого общества. Высоко ответственным и достойным доверия может быть только верующий человек¹².

Особо яркой чертой религиозной ситуации в Алнашском районе, на мой взгляд, является отсутствие у православной церкви конкурентов в лице протестантских организаций. Протестанты (“Дело веры” и др.) делали попытки обосноваться в селе Алнаши, но не смогли найти социальной базы: их идеи и взгляды оказались неприемлемыми для местного населения.

Своей спецификой отличается и центральная часть республики – город Ижевск и примыкающий к нему Завьяловский район. Ижевск как столичный город выделяется высокой информационной подвижностью своего пространства. На этом фоне в духовной сфере господствует эклектика. Свою социальную базу в городе нашли представители различных религиозных организаций. Здесь можно встретить как традиционных верующих – последователей православия, которые считают необходимым поддерживать, развивать те корни, которые достались им от дедов и прадедов, так и категорию “захожан”. К верующим и соблюдающим религиозные обряды себя отнесли 7,6% русских, 14,8% удмуртов, 16% татар; в категорию верующих, но не соблюдающих обряды, вошли 52,9% русских, 50% удмуртов, 56% татар. Распространен и новый тип верующих, самостоятельно конструирующих свою религиозную систему или примыкающих к какому-либо протестантскому направлению, новому религиозному движению.

Отдельно стоит остановиться на представителях татарского этноса, проживающих в г. Ижевск

и исповедующих ислам. В этой среде также присутствуют разные типы верующих, в целом характерные для республики, но при этом, несмотря на то, что доля татар в составе населения Удмуртии составляет всего 7%¹³, они занимают весьма активные позиции во всех сферах общественной жизни – экономике, политике, культуре. Сильным этноконсолидирующим началом является религия. Местные татары поддерживают тесные связи с Татарстаном, который воспринимается ими как национально-исторический центр, и Башкортостаном, где располагается Центральное Духовное Управление мусульман, структурным подразделением которого является Региональное Духовное Управление мусульман Удмуртии. Среди этноса популярны идеи, согласно которым, ислам должен быть мобильной религией, способной быстро реагировать на изменяющуюся внешнюю среду. Эти же мысли активно продвигаются через татароязычную прессу¹⁴.

Взаимоотношения приверженцев ислама с представителями других религий не совсем однозначны. Протестантизм, новые религиозные движения умудряются внедриться даже в исламскую среду, на что большинство татар и духовенство реагируют негативно. Во взаимоотношениях с православием соблюдается своеобразный нейтралитет. Случаи обращения татар в православие, а русских или удмуртов – в ислам духовные лидеры пытаются объяснить тем, что перед богом все равны. На самом же деле подобные факты вызывают определенное напряжение во взаимоотношениях между традиционными конфессиями, хотя об этом не принято говорить вслух.

Для РПЦ серьезную угрозу представляют религиозные организации и общины протестантского толка. Руководство епархии вынуждено делать вид, что не замечает их деятельность (в соответствии с законом РФ), но в то же время не может не вступить с ними в жесткую полемику (на различных конференциях, “круглых столах”, в СМИ и т.д.). Конкуренция есть и будет сохраняться в последующем, но авторитет РПЦ все же высок (в конфессиональном пространстве доля религиозных организаций РПЦ составляет 54,3%, а протестантских – 30,4%)¹⁵. Всем остальным организациям (исключая ислам) приходится доказывать свою состоятельность, в итоге их социальная база, в отличие от православия, весьма подвижна.

Итак, за последние пятнадцать лет в Удмуртии, как и в целом по стране, изменилась не только экономическая, политическая ситуация, но и личность, а вместе с ней и само общество. Определенную трансформацию претерпела духовная сфера человеческой деятельности: религия как ее составная часть после запретов советского

периода вновь переосмысливается в качестве морального, нравственного регулятора общественной жизни.

В этноконфессиональной сфере Удмуртии проявились локальные различия по районам республики. Север проявил более прохладное отношение к православию, а протестантские объединения получили поддержку, благодаря чему активно развиваются. На юге, напротив, ощущается тяготение к православию, а протестантизм не находит социальную базу для своего развития. В центре Удмуртии в сознании верующего населения господствует эклектика, своих adeptов здесь находят различные религиозные течения, хотя авторитет РПЦ среди верующих, несомненно, высок. Православная церковь, мусульмане при работе с населением делают основную ставку на сохранение культурных ценностей, традиций российской нации. Государственные структуры, опираясь на этот тезис, также стараются оказать им всяческую поддержку.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Петров А.Н. Удмуртский Этнос: проблемы ментальности. Ижевск: Удмуртия, 2002. С.128.
- ² Гришкина М.В. Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск: Удмуртия, 1994. С.43.
- ³ Трофимов В.К. Генезис и сущность русского национального менталитета. Ижевск: ШЕП, 2000. С.235.
- ⁴ Ильинский С.И. Проблемы этноконфессиональной идентификации в современной Удмуртии // Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Оренбург: Издательский

центр ОГАУ, 2002. С.241–246.

- ⁵ Владыкин В.Е., Семёнов Ю.В. Конфессиональные процессы в 1990-е годы // Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т.3. Идеология и технологии этнической мобилизации. Кн. 1. Удмуртское национальное движение. Надежды. Возможности. Реалии. М.-Ижевск: Удмуртия, 2002. С.95.
- ⁶ Миронов А.В., Бабинов Ю.А. Основы религиоведения. Эволюция религии в современном мире // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 2. С.84.
- ⁷ Мчедлов М.П., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Мировоззренческие предпочтения и национальные различия // Социологические исследования (далее СОЦИС). 2004. № 9. С.95-101; Мчедлов М.П. О религиозности российской молодёжи // СОЦИС. 1998. № 6. С.107-110; Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании постсоветской России. Под ред. проф. К. Каарияйнена и проф. Д.Е. Фурмана. СПб.; М.: Летний сад, 2000; Каарияйнен К., Фурман Д.Е. Религиозность в России на рубеже XX – XXI столетий // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С.103-119.
- ⁸ Налётова И.В. “Новые православные” в России: тип или стереотип религиозности // СОЦИС. 2004. № 5. С.130-136.
- ⁹ Использованы материалы переписи 1989 г.
- ¹⁰ Полевые материалы автора (далее ПМА): г. Глазов, апрель 2006 г.
- ¹¹ ПМА: с. Алнаши, июль 2006 г.
- ¹² ПМА: Алнашский район, д. Кузубаево, июль 2006 г.
- ¹³ Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т.3. Идеология и технологии этнической мобилизации. Кн.3. Единство и многообразие этнических мобилизаций: уроки пройденного пути. Ижевск: Удмуртия, 2003. С.226.
- ¹⁴ “Умма” – научно-популярная газета. Учредитель: ОО “Ихлас” РТ, Заказчик: Центр дагвата при мечети “Булгар”. 2006. № 6, декабрь.
- ¹⁵ Ильинский С.И. Конфессиональное пространство Удмуртии: новый этап развития // Информационно-методический сборник / Гос. Совет Удмуртской Республики. Ижевск, 2006.

ON SOME PECULIARITIES OF THE ETHNO-CONFESSIONAL SITUATION IN PRESENT-DAY UDMURTIA

© 2010 E.A. Churakova

Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk

The article covers characteristic features of the ethno-confessional situation in Udmurtia. The author singles out types of believers, typical for the republic, and analyzes the functioning of the traditional confessions – Russian Orthodoxy and Islam.

Key words: ethno-confessional relations, ethnic mentality, religion, religious organization, types of believers, nation, evolution of religiousness, tolerance, secularization, consciousness.